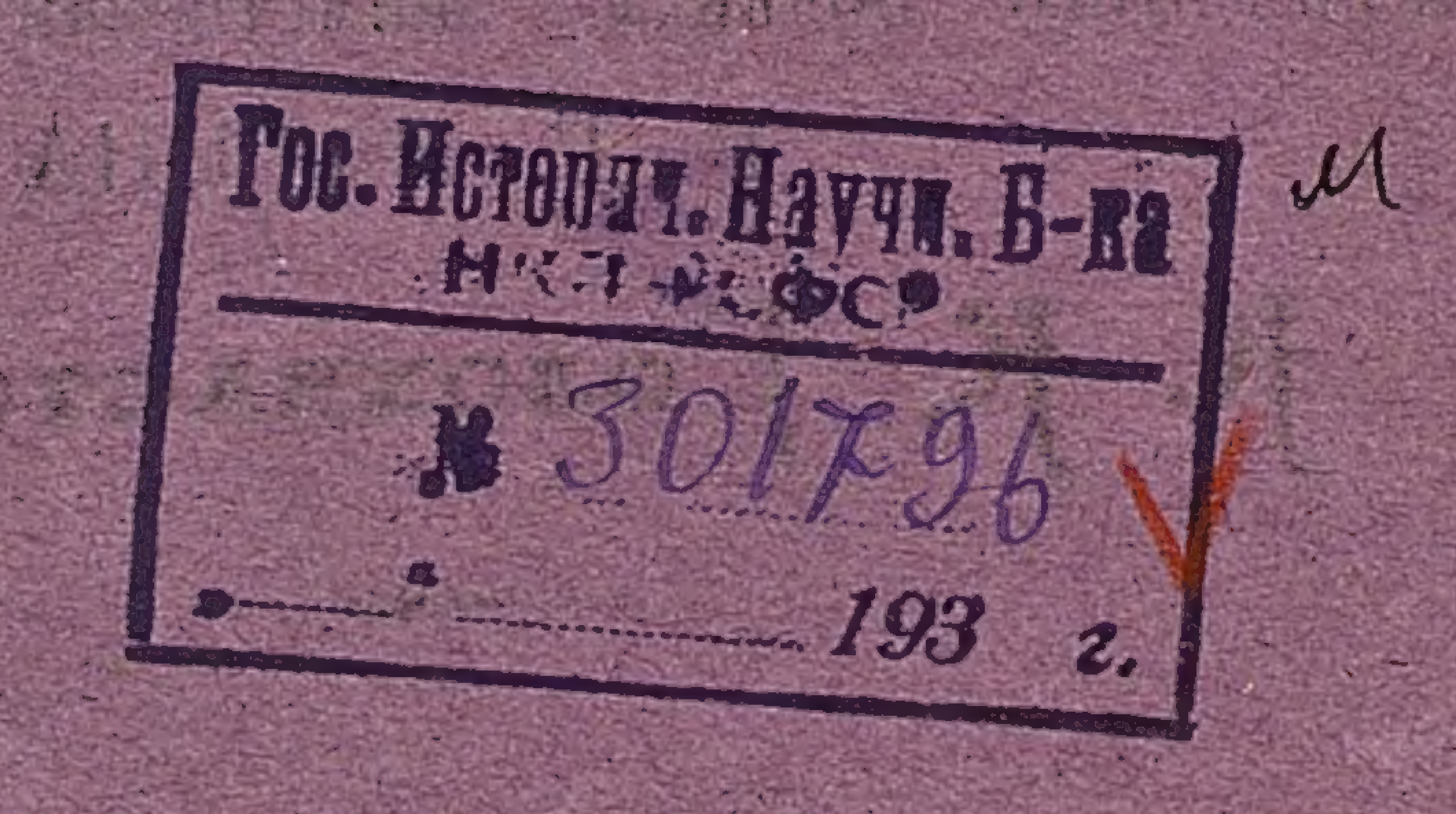
Василій Гавриловичъ

МАРИНЪ

и геройскій подвигъ совершенный
имъ 13-го марта 1853 года.

Фактъ этого подвига, заимствованъ изъ разсказовъ
В. Г. МАРИНА
К. К. Голохвастовымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. Я. Минкова. Лиговская, 35.
1895.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 301796
193 г.

ВАСИЛІЙ ГАВРИЛОВИЧЪ МАРИНЪ.

Чувство великодушія, вообще, врождено въ русской натурѣ и даже, если хотите, и всему славянскому племени, хотя у послѣднихъ оно значительно притупилось, вслѣдствіе порабощенія ихъ другими враждебными народами. Кому не случалось быть невольными свидѣтелями гибели людей, ну, хоть утопающаго?.. Тогда непремѣнно соберется толпа народа, и каждый человѣкъ въ этой толпѣ искренно жалѣетъ несчастнаго, многіе даже и плачутъ, хотя и не всякій рискуетъ броситься ему на помощь, какъ вообще по чувству самосохраненія, присущаго всякому живому существу, такъ и по соображенію: «какой молъ толкъ будетъ, если я брошусь спасать этого человѣка! Самъ утону и его пожалуй за собою потащу... Нѣтъ ужъ, Господь съ нимъ»!

Подобныя соображенія являются совсѣмъ не изъ боязни смерти, а только изъ полнаго сознанія, что самъ, подвергая себя опасности, онъ, благодаря своему неумѣнію или неловкости, этимъ не принесетъ никакой пользы и погубитъ только зря себя.

Но зато, сколько является искренней и непритворной радости, если погибающій спасенъ. Со стороны можно было бы подумать, что спасенный приходится если не братомъ, то какимъ

нибудь родственникомъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько является неподдѣльнаго горя и сожалѣнія, когда вытащатъ трупъ.

И сыпятся тогда на погибшаго деньги «на свѣчку», — жертвованные каждымъ отъ всей души... Подобныя чувства невѣдомы, ни флегматичному англичанину, ни разсчетливому нѣмцу, ни другимъ европейскимъ народамъ.

Въ подобныя минуты, очень часто выдѣляются изъ толпы отдѣльныя лица, которыя видя погибающаго, не предаются размышленіямъ, можетъ ли онъ спасти его, или не можетъ, а видитъ только гибель ближняго, котораго нужно спасти во чтобы то ни стало, хотя бы и пришлось тутъ и самому погибнуть. И онъ смѣло бросается въ огонь или воду, часто дѣлаясь и самъ жертвою своего великодушнаго порыва.

Изъ такихъ людей является и крестьянинъ Василій Маринъ (или *Марьинъ* — какъ объ немъ тогда писали въ книгахъ и газетахъ), удостоившійся за свой великодушный подвигъ въ спасеніи погибающаго, особой Монаршей милости императора Николая Павловича.

Въ настоящее время *), Василій Гавриловичъ Марьинъ живъ и здоровъ, весьма добрый, средняго роста старикъ и не смотря на то, что ему уже перевалило за седьмой десятокъ, обла-

*) Книжка эта написана въ двадцатыхъ числахъ мая, 1893 года.

даетъ русою окладистою бородою, безъ всякой сѣдины. Сѣдина эта не тронула даже и слегка полысѣвшей головы, въ противуположность его сыну Ивану Васильевичу, почти сѣдому, у котораго если бы не было посвѣжѣе лицо, то онъ казался бы гораздо старше отца.

Я, пишущій эти строки, нѣсколько лѣтъ знакомъ съ Иваномъ Марьинымъ, отъ котораго не разъ слышалъ разсказы про подвигъ его отца, но какъ я былъ обрадованъ, когда пріѣхалъ изъ деревни самъ старикъ, отъ котораго я уже лично могъ узнать всѣ подробности, ниже описаннаго его подвига, и потому смѣю надѣяться, если читателю приходилось когда-либо читать про Марина, то пусть свѣритъ, насколько вѣрнѣе приведенный здѣсь разсказъ въ сравненіи съ тѣми).

Въ 1853 году, 13-го марта, въ одной изъ пивныхъ, находящихся въ московскомъ Охотномъ ряду, сидѣло десять человѣкъ рабочихъ, среди которыхъ находился и только что пріѣхавшій изъ деревни крестьянинъ Василій Маринъ, тогда еще молодой тридцатилѣтній человѣкъ. 10-го марта, Маринъ покинулъ деревню Ивлево, (Шупецкой волости, Ярославской губерніи) въ которой оставилъ молодую жену и четверыхъ дѣтей, направляясь на работу въ посадъ Колпино, гдѣ онъ имѣлъ постоянное дѣло.

Думала ли, прощаясь съ нимъ, молодая жена, что съ этимъ отъѣздомъ ея мужа, произойдетъ нѣчто такое, которое сильно повліяетъ на всю послѣдующую ихъ жизнь.

Семья Мариныхъ и тогда еще считалась одной изъ достаточныхъ во всей деревнѣ, благодаря заработкамъ ея главы Василія, какъ тогда, такъ и по наши дни отличавшагося честностью и трезвою жизнію, такъ что, всѣ заработанныя имъ деньги, не шли, на такъ называемые «непредвиденные расходы», какіе бываютъ у людей любящихъ подъ часъ, послѣ трудовъ праведныхъ, тряхнуть мошною, и покутить въ развеселыхъ уголкахъ Питера и Москвы.

Сѣвъ въ тарантасъ, такъ какъ въ то время желѣзныхъ дорогъ было мало и только была еще одна недавно сооруженная Николаевская, Маринъ на третій день утромъ, т. е. 13-го числа, въѣхалъ въ Москву. Посѣтивъ наскоро своихъ находящихся тамъ родственниковъ и знакомыхъ, Василій Гавриловичъ, въ сопровожденіи своего двоюроднаго брата Ивана Якимова, отправился въ охотный рядъ, гдѣ въ одной изъ портерныхъ, ожидали ихъ восемь человѣкъ земляковъ и однодеревенцевъ. До отхода поѣзда ждать еще долго было и Марину нужно было прокоротать время, да кстати и подѣлиться съ землями о деревенскихъ новостяхъ и передать кое-какіе поклоны.

Бесѣда длилась до одиннадцати часовъ дня, причемъ всѣ, исключая Марина, усердно опустошали бутылку за бутылкой. Вдругъ по улицѣ мимо того дома, гдѣ была пивная, звеня колокольчиками пронеслась пожарная часть.

— Гдѣ то горитъ, сказалъ кто то.

— Пожаръ и есть. Пойдемте глядѣть, братцы!

И теперь въ Москвѣ пожары не рѣдки, а тогда и подавно, благодаря скученнымъ постройкамъ; бывали не рѣдко случаи, что выгорали и цѣлые кварталы. Отъ того, нѣтъ ничего мудренаго, что при словѣ «Пожаръ» многіе не на шутку перепугались, думая что не горитъ ли тамъ, гдѣ они жили.

Двое Мариныхъ и ихъ земляки, наскоро расплатившись и взявшись за шапки вышли на улицу.

— Гдѣ горитъ? Спрашивали они у бѣгущихъ къ мѣсту пожара людей.

— А кто ихъ знаетъ! Отвѣчали тѣ на ходу.

Кто-то сказалъ, что горитъ большой театръ, что вскорѣ и подтвердилось, такъ какъ передъ глазами Мариныхъ и ихъ товарищей, показался огромный столбъ красноватаго дыма, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ находиться большой московскій театръ. Пожаръ, повидимому, принималъ огромные размѣры.

— Ишь какъ жаритъ! Говорили нѣкоторые. Пожалуй и не отстоять!

— Гдѣ тутъ! Гляди какъ пылаетъ!

Они были уже на театральной площади. Передъ глазами Мариныхъ представилось рѣдкое и грандіозное зрѣлище: огромное каменное зданіе было все въ огнѣ, освѣщая собою кровавымъ заревомъ послѣднія зданія, толпы сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ народа и отражаясь на мѣдныхъ каскахъ суетившихся тутъ же пожарныхъ.

Отовсюду въ народѣ слышались оживленные толки о томъ, что будто въ театрѣ сгорѣло много людей не успѣвшихъ во время выскочить отъ охватившаго ихъ пламени. Маринъ молча стоялъ и глядѣлъ на сильно разбушевавшуюся огненную стихію.

Вдругъ въ воздухѣ среди треска огня и общаго шума, послышался громкій, полный отчаянія крикъ.

— Братцы! человѣкъ убился!

— Гдѣ?

— Съ крыши упалъ!

— Ахъ сердечный... царство ему небесное!...

— Смотрите, тамъ еще двое!...

— Такъ и есть... Куда имъ дѣться теперь, вездѣ огонь!...

Маринъ взглянулъ на крышу, на то мѣсто, гдѣ только что разсѣялся клубъ дыма, и уви-

далъ тамъ безпомощно бросавшихся изъ стороны въ сторону двухъ человѣкъ... Крыша была уже вся въ огнѣ и начали обламываться стропила. Несчастнымъ оставалось сдѣлать одно изъ двухъ: поступить такъ, какъ поступилъ первый изъ нихъ, т. е. броситься съ громадной высоты на площадь, или ждать своей участи, дабы провалиться сквозь эту пылающую крышу во внутрь зданія, гдѣ бушевало цѣлое море пламени...

Однимъ словомъ, несчастныхъ ожидала самая ужасная смерть въ двухъ родахъ: сгорѣть живыми въ огнѣ, или быть разсшибленными, что говорится въ лепешку, при паденіи съ огромной высоты.

То были театральные плотники, очутившіеся въ такомъ отчаянно безвыходномъ положеніи, благодаря, слѣдующему несчастному случаю.

Загорѣлось въ машинномъ отдѣленіи театра, огонь изъ котораго быстро распространился въ верхнее помѣщеніе, по деревянной лѣстницѣ, гдѣ въ эту минуту работали трое плотниковъ.

Происходила репетиція какой-то піесы, во время которой случился этотъ пожаръ. Разсказывая это происшествіе со словъ г. Марвина, мнѣ трудно сказать, какъ произошелъ пожаръ внутри театра, и всѣ ли благополучно спаслись присутствовавшіе тамъ артисты и про-

чіе служащіе, мнѣ положительно неизвѣстно, такъ какъ для описанія этого событія, другихъ источниковъ у меня подъ рукою нѣтъ, знаю только одно, что плотники, работавшіе въ верхнемъ помѣщеніи, увидавъ огонь, бросились было внизъ, но этотъ путь отступленія, былъ для нихъ отрѣзанъ горѣвшей лѣстницей, по которой пройти уже не было ни какой возможности и потому они бросились на чердакъ, надѣясь спастись на крышѣ, проникнувъ туда черезъ слуховое окно. Подобно звѣрю, преслѣдовавшему ускользающую отъ него добычу, такъ преслѣдовало ихъ и пламя, устремившееся съ неимовѣрною быстротою, со всѣхъ сторонъ на крышу, постепенно отрѣзывая имъ путь къ спасенію.

Маринъ и присутствовавшая на площади огромная толпа народа, войскъ и пожарныхъ видѣли уже предъ собою жертвъ, обреченныхъ на вѣрную гибель, и которыхъ нужно было во что-бы ни стало спасти. Но какъ это можно было сдѣлать? Зданіе было очень высокое, и пожарная команда хотя и была по тому времени во всѣхъ отношеніяхъ исправною, но у ней еще не было тѣхъ приспособленій, какія имѣются въ настоящее время, хотя и были огромныя лѣстницы, но не такія, которыя, могли хватать до крыши.

Между тѣмъ, каждая минута была дорога, потому что, языки пламени начали показы-

ваться у самыхъ ногъ несчастныхъ, которымъ уже положительно дѣваться было некуда. Вотъ въ одномъ мѣстѣ съ страшнымъ грохотомъ провалилась и крыша, пустивъ къ небу цѣлые облака искръ и дыма... Маринъ видѣлъ, какъ они, оставшись почти на стѣнкѣ, безпомощно прислонились къ трубѣ, причемъ одинъ съ полнымъ видомъ отчаянія, глядѣлъ внизъ...

Вдругъ, въ голову Марина явилась блестящая мысль! Ихъ можно еще спасти, поднявшись къ верху по водосточной трубѣ! Самъ онъ былъ кровельщикъ, и не разъ приходилось прикрѣплять водосточныя трубы и лазить по нимъ. Быстро и въ короткихъ словахъ выразивъ свою мысль Ивану Якимову, онъ энергично бросился впередъ, протискиваясь сквозь толпу народа. Двоюродный братъ послѣдовалъ за нимъ.

Они двигались уже къ цѣли, усердно расчищая себѣ путь плечами и кулаками, и скоро очутились впереди сплошной стѣны народа. Маринъ вышелъ уже впередъ, какъ вдругъ видитъ онъ, что одинъ изъ двухъ плотниковъ, моментально сорвался съ крыши и полетѣлъ внизъ... Народъ весь ахнулъ, и тысячи шапокъ слетѣли съ головъ, и тысячи рукъ сотворили крестное знаменіе по погибшемъ...

Почти у ногъ Марина, съ огромной высоты упалъ человѣкъ и лежалъ уже, въ видѣ неподвижной безформенной массы... «Упалъ и

разбился на три части», какъ самъ потомъ разсказывалъ Василій Гавриловичъ.

Кто-то изъ городовыхъ оттолкнулъ Марина назадъ, съ крикомъ, «куда лѣзешь»... И къ трупу подошли полицеймейстеръ Лужинъ, и нѣсколько лицъ.

— Надо спасти хоть того! кричали въ толпѣ. Погибнетъ ни за-грошъ!... Да, надо спасти и во что бы ни стало...

— Лѣстницы скорѣй! слышались приказанія.

— Подавай сюда щитъ! кричалъ Лужинъ, скорѣй...

Начали развертывать огромный полотняный щитъ, на случай если послѣдній погибающій человѣкъ бросится внизъ.

Въ эту минуту Маринъ, поспѣшно снималъ съ себя кафтанъ.

— Ты куда! крикнулъ на него одинъ изъ квартальныхъ,—пошелъ прочь!

— Ваше благородіе! отвѣчалъ Маринъ, не спуская глазъ съ края крыши, на которой примостился плотникъ.—Позвольте спасти человѣка... Сгинетъ вѣдь...

— Ступай, ступай... нечего тутъ... обирай свои кафтанъ и шапку!...

Но всегда скромный и исполнительный Маринъ, на этотъ разъ не повиновался голосу начальства. Онъ видѣлъ предъ собою православнаго человѣка, который вотъ-вотъ погиб-

нетъ, какъ и тѣ двое, безъ покаянія, а послѣ него можетъ быть останутся жена и дѣти... О себѣ въ эту роковую минуту, онъ и не думалъ.

— Позвольте ваше благородіе, ради Истиннаго Бога! умолялъ онъ, не обращая вниманія на то, что одинъ изъ городовыхъ напяливалъ на него снятый кафтанъ.

Подошелъ и московскій полиціймейстеръ Лужинъ.

— Что нужно этому человѣку? спросилъ онъ.

— Хочетъ спасать того плотника,—сказали ему.

— Ишь, что выдумалъ? отвѣтилъ Лужинъ.—Тутъ и почище тебя не могутъ справиться... Проходи любезный, проходи... А будешь упираться, въ часть отправятъ.

Но Маринъ продолжалъ «упираться» со слезами на глазахъ, онъ началъ увѣрять всѣхъ, что спасти его можно, и такъ далѣе, но всѣ мольбы его и убѣжденія были бы напрасны, если бы къ нимъ въ эту минуту, не подошелъ бывшій тутъ флигель-адъютантъ Его Величества. (Должно быть самъ Господь его послалъ, какъ потомъ говорилъ мнѣ Василій Гавриловичъ).

На его вопросъ, полицеймейстеръ объяснилъ упорное намѣреніе этого крестьянина, идти самому на встрѣчу смерти, что-бы спасти погибающаго и флигель-адъютантъ подойдя къ Марину, спросилъ его.

— Твой поступокъ похваленъ самъ по себѣ, но какимъ способомъ ты снимешь его съ крыши?

— По трубѣ ваше превосходительство,— отвѣтилъ Маринъ, видя передъ собою лицо, какъ ему показалось высокаго чина.

— Какъ это по трубѣ?

— По водосточной-съ... По ней влѣзу на крышу, съ веревкой-съ... а тамъ значитъ привязамши къ дымовой трубѣ, можно будетъ обоимъ спуститься внизъ... обратился онъ умоляющимъ голосомъ къ Лужину.

Этотъ простѣйшій способъ, помощи погибающему, показался на столько лучшимъ, что флигель-адъютантъ, сказалъ обращаясь къ Лужину:

— Дозвольте ему, пусть дѣлаетъ доброе дѣло.

И когда Лужинъ началъ возражать ему, что вмѣсто одного могутъ погибнуть двое, за что онъ, какъ допустившій это, можетъ отвѣтить то флигель-адъютантъ, сказалъ на это.

— Пусть идетъ. Я самъ отвѣчу за него.

Дозволеніе было дано и Маринъ бросивъ свой кафтанъ на руки близь стоявшаго городоваго, побѣжалъ къ пылающему театру.

Толпа заволновалась, видя, какъ человѣкъ, не смотря на бывшій въ тотъ день сильный морозъ бывши въ одной рубашкѣ, началъ бы-

стро подниматься вверхъ по водосточной трубѣ, и многіе снявъ шапки, начали креститься.

— Помоги ему господи! слышались вслѣдъ ему пожеланія со всѣхъ сторонъ.

Маринъ лѣзъ все выше и выше съ горяча не замѣчая, что его вспотѣвшія руки прилипаютъ къ холодному покрытому инеемъ желѣзу, и на ладоняхъ появляется кровь.

— Веревку возьми, веревку! слышитъ онъ снизу голосъ брата.

Онъ остановился и посмотрѣлъ внизъ. Въ эту минуту вырвавшійся изъ ближайшаго окна клубъ густаго и чернаго дыма, чуть не задушилъ его.

Маринъ крѣпко уцѣпившись лѣвою рукою и ногами за трубу, правою отеръ глаза, которые защипало отъ дыма и взглянулъ внизъ

— Веревку возьми!

Тамъ на подставленной лѣстницѣ, стоялъ Иванъ Якимовъ и протягивалъ ему длинный ухватъ на которомъ былъ прицѣпленъ конецъ веревки.

Ухватъ касался почти до его самого и потому Маринъ взялъ его свободно.

— Ладно.

Утвердившись какъ слѣдуетъ на своей неудобной позиціи, Маринъ опуталъ свое туловище, не выпуская изъ рукъ ухвата. Теперь положеніе его было не лучше чѣмъ у того человѣка который ждалъ своего спасенія, тамъ,

на верху. Вопервыхъ стоило только вырваться изъ стѣны одному изъ крюковъ, закрѣплявшихъ собою водосточную трубу или упасть изъ своихъ колѣнъ самой трубѣ, что легко могло-бы случиться, подъ вліяніемъ тяжести тѣла этого смѣльчака, и тогда бы изъ Марина остались только одни косточки. Это сознавалъ повидимому и стоявшій на площади народъ, молча глядѣвшій на лѣпившуюся по стѣнѣ фигуру человѣка подымающагося на огромную высоту. У всѣхъ невольно сжималось сѣрдце, при мысли, что вотъ вотъ онъ сорвется и полетитъ внизъ, какъ и тѣ два погибшихъ несчастныхъ плотника, трупы которыхъ только что убрали.

— Ай, батюшки, задохнется! слышались повременамъ восклицанія когда Маринъ изчезалъ по временамъ среди дыма. Вотъ изъ одного окна, мимо котораго лѣзетъ онъ появился цѣлый снопъ пламени, готовый опалить смѣльчака но въ эту минуту, пожарные направляютъ огромныя струи воды, и пламя шипя прячется обратно, выпустивъ вмѣсто себя смрадные клубы чернаго дыма.

А Маринъ все лѣзетъ выше и выше, хотя ѣдкій дымъ застилаетъ ему глаза и чувствуется сильная боль въ ладоняхъ рукъ, кожа съ которыхъ почти сошла. Вотъ онъ лѣзетъ мимо одного окна и взглянувъ въ него, невольно остановился упершись ногою на подоконникъ,

пораженный представившимся его глазамъ зрѣлищемъ... Черезъ это окно, онъ видитъ внутренность громадной театральной залы, внутри которой бушуетъ цѣлое море огня! Это пламя бѣснуясь, словно торжествуя свою побѣду, цѣлыми волнами носится по залу, среди голыхъ каменныхъ стѣнъ, не находя болѣе жертвъ для уничтоженія... Это былъ чистый адъ, такъ какъ все это сопровождалось шумомъ, трескомъ и грохотомъ падающихъ стѣнъ...

— Господи! думаетъ Маринъ. Упади туда человѣкъ и дыхнуть не успѣетъ... Еще немного и онъ свалится туда!

И эта страшная мысль, неэлектризовываетъ его; забывъ усталость и сильную боль въ рукахъ, онъ лѣзетъ дальше съ новою энергіею. При этомъ, онъ чувствуетъ что ему жарко и съ удовольствіемъ подставляетъ свое разгорѣвшееся лицо, подъ токъ свѣжаго и морознаго воздуха.

Вотъ онъ уже подъ самымъ карнизомъ. Взглянувъ внизъ, онъ видитъ подъ собою суетящіеся мѣдныя каски и разставленную широкую полосу щита, многіе хлопотали надъ только что привезенной громадной трехъ-колесной лѣстницей, поспѣшно развертывая ее.

— Теперь пожалуй спускаться, легче будетъ. Подумалъ Марынъ и взглянулъ на верхъ.

Подъ самой его головой широкимъ выступомъ, былъ карнизъ, со своими лѣпными укра-

шеніями, по которому труба, сдѣлавъ большой уклонъ, достигала крыши, заканчиваясь широкой чашкой, въ которую стекала вода.

Самый опасный путь былъ уже пройденъ, и теперь остается еще не легкая работа, подняться по этому карнизу на крышу... Но гдѣ-же самъ погибающій?

У Марина вдругъ сжалось сердце... Неужели онъ провалился въ этотъ огненный котелъ, не дождавшись себѣ помощи?.. Но вскорѣ услышавъ надъ собою топотъ ногъ, онъ сообразилъ, что не можетъ видѣть его, изъ за этого карниза...

— Гей, держись! Крикнулъ вдругъ Василій,—двигайся на край и бери веревку!

Но плотникъ повидимому такъ растерялся, что не слыхалъ доносившагося до него возгласа.

— Эй, слышь! бери веревку что-ли! Бери сказываютъ тебѣ...

Опять нѣтъ отвѣта и вмѣсто него слышенъ только стонъ и отчаянныя восклицанія... Слегка раздосадованный Василій, съ помощью ухвата, подымается съ громаднымъ трудомъ вверхъ по карнизу... Въ головѣ его начинается шумъ и онъ чувствуетъ легкую дурноту... Пересиливъ въ себѣ эту слабость, онъ уже старается не глядѣть съ этой головогружительной высоты, а тщательно пробуя крюки лѣзетъ дальше, зацѣпляясь кое гдѣ ухватомъ.

— Держись землякъ, держись! Кричитъ онъ, дѣлая между прочимъ самъ эволюціи не хуже любаго акробата.

Но вотъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, голова Мартина, очутилась уже надъ краемъ крыши, и онъ уже видитъ и самого погибающаго, стоявшаго почти на самой стѣнѣ, такъ какъ самыя стропила и часть крыши давно уже были тамъ внизу, гдѣ бушевали потоки огня...

— Ишь какъ напугался сердечный подумалъ Маринъ, увидя передъ собою искаженное ужасомъ лицо плотника.—Держи веревку! повторилъ онъ.

Но несчастный тупо глядѣлъ какъ на Марина такъ и на протянутый имъ ухватъ, съ болтающейся на концѣ ея веревкой.—Бѣднякъ, казалось былъ несказанно изумленъ увидя такъ неожиданно появившагося передъ нимъ изъ подъ карниза человѣка.

— Да скорѣй-же! Кричалъ въ нетерпѣніи Маринъ, бери веревку и пособи мнѣ подняться!.. Ахъ-ты Господи, совсѣмъ ничего не понимаетъ!..

Дѣлать нечего, опять приходится волей-неволей дѣлать гимнастическія упражненія, что бы самому взобраться на крышу. Послѣ недолгихъ усилій, съ помощью ухвата, это ему удалось и онъ всталъ твердою ногою на крышу.

И опять передъ нимъ представилось зрѣ-

лище разрушенія... Крыша и стропила обвалились, образуя собою глубокую пропасть, изъ нутри которой извергались цѣлыя тучи дыма и красноватые языки пламени... Только повсюду длинныя каменныя печныя трубы и добраться до нѣкоторыхъ, что бы закинуть на нихъ веревку, небыло никакой возможности. На счастье вблизи оказалась одна труба, около которой часть крыши и стропила были цѣлы.

Маринъ осторожно ступая по этому мало надежному помосту, подожелъ къ трубѣ и началъ навязывать на нее веревку.

— Мы сейчасъ спустимся по этой веревкѣ внизъ. Говорилъ онъ, поминутно кашляя и задыхаясь отъ душившаго его дыма. И спускаться гляди осторожнѣй, обхвативъ водосточную трубу колѣнами и держаться за веревку руками... слышишь что-ли?

Но весь блѣдный отъ ужаса плотникъ, глядѣлъ внизъ, думая о только что погибшихъ двухъ своихъ товарищахъ, страшною трагическою смертью. Вѣдь у него была тоже жена и чуть-ли не шестеро малолѣтнихъ дѣтей.

— Страшно... прошептали его побѣлѣвшія губы.

— Чего страшно! Сказалъ услыша эти слова Маринъ.—Страшнаго тутъ ничего нѣтъ, коли веревка надежная и труба крѣпкая.—Я самъ сейчасъ лѣзъ по ней и благодаря Бога покуда ничего не случилось... Ну, лѣзь впередъ!

— Плотникъ вздрогнулъ и попятился назадъ.

— Чего боишся, вѣдь все одно погибать,— говорилъ Маринъ, старательно направляя веревку вдоль водосточной трубы.—Лѣзь чтоли, видишь какъ пышетъ полымемъ, индо не вмоготу становится... Ну, скорѣе, перекрестись да съ Богомъ! Да поскорѣй...

— Охъ Господи... боязно... неравно оборвешься...

— Чего оборвешься, крѣпко!.. Ну-ка погляди...

И говоря эти слова, Марьинъ схватился за веревку и началъ медленно спускаться внизъ.

— Лѣзь, не бойся! Кричалъ онъ ужъ изъ подъ карниза.

Изъ подъ ногъ Марина вдругъ показались языки пламени и густой дымъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Сдерживая дыханiе, Василiй придерживаясь ногами и лѣвою рукою за водосточную трубу, пристально смотрѣлъ наверхъ, ожидая, когда спустится плотникъ.

— Чего время терять! Кричалъ онъ, поминутно кашляя отъ попадавшаго ему въ ротъ ѣдкаго дыма.—Спускайся смѣлѣй, никто какъ Богъ...

Наконецъ надъ головой его показались ноги. Это плотникъ преслѣдуемый спыхнувшимъ около

него пламенемъ, тоже началъ спускаться по веревкѣ.

— Легче, легче, не торопись... Совѣтовалъ Маринъ, медленно и неторопясь опускаясь внизъ и пристально слѣдя за плотникомъ.— Ногами за трубу держись, руками за веревку... такъ...

Вырвавшееся изъ оконъ пламя, начало подбираться къ ихъ ногамъ, но бывшіе внизу пожарные не дремали. Направивъ свои кишки на Марина и его спутника, они пустили цѣлые столбы воды, отчего пламя шипя тухло, а вмѣсто него появлялись новые густѣйшіе облака ѣдкаго, сѣроватаго дыма.

Громадная толпа народа, молча и затаивъ дыханіе слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Были минуты, когда, всѣ какъ одинъ человѣкъ, охнули и перекрестились. Это были тѣ страшныя минуты когда Маринъ сперва одинъ, а потомъ вмѣстѣ со спасеннымъ имъ плотникомъ по временамъ исчезали изъ глазъ зрителей, среди пламени и сплошнаго дыма.

Зрѣлище было поразительно страшное, но съ трескомъ летѣвшіе вверхъ громадные столбы воды, быстро уничтожали огонь и разсѣевали дымъ и народъ облегченно вздыхая снова видѣлъ висѣвшія на огромной высотѣ, двѣ темныя фигуры.

— Въ это время полицiймейстеръ и брантмейстеры, дѣятельно хлопотали надъ установ-

кой громадной трехъ-колѣнной лѣстницы. Неуспѣлъ Маринъ спуститься еще до половины зданія, какъ лѣстница была уже прислонена къ стѣнѣ, и по ней быстро начали взбираться пожарные солдаты.

Еще минута другая, и всѣ увидѣли спускающагося, уже по лѣстницѣ Марина, поддерживаемаго двумя пожарными, такъ какъ ему становилось положительно дурно, и спасеннаго имъ человѣка.

— Молодецъ! Крикнулъ флигель адъютантъ.

И вслѣдъ за этимъ восклицаніемъ вдругъ изъ тысячи грудей, раздалось громкое восторженное «ура» и полетѣли вверхъ шапки. Начальство сходилось со всѣхъ сторонъ, и сплошною стѣною окружило нашего героя и спасеннаго имъ плотника.

— Я рѣшительно не помню, говорилъ мнѣ старикъ,—какъ я спустился или меня спустили, потому что меня нѣсколько разъ чуть дымомъ совсѣмъ не задушило, и какъ я держался самъ, это ужъ самому Богу извѣстно!

И такъ Василій Гавриловичъ былъ почти безъ чувствъ и приходя въ себя, онъ чувствовалъ шумъ въ ушахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громовые раскаты криковъ «ура».

Открывъ глаза, онъ увидѣлъ стоявщаго противъ него полицiймейстера Лужина и многихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ была и администрація большаго театра. Увидя ихъ,

Маринъ собралъ всѣ силы, поднялся на ноги.

Къ нему приближался Лужинъ, державшій что-то въ рукахъ и говорилъ:

— Ну, братецъ, спасибо тебѣ за доброе дѣло... Молодецъ. Дарю тебѣ за это 25 рублей, а тамъ еще получишь за свою смѣлость достойную награду...

Маринъ ощутилъ въ своей рукѣ новыя деньги, поклонился, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, отъ душившаго его волненія.

Между тѣмъ флигель-адъютантъ и полиціймейстеръ, отошли въ сторону, и вмѣсто нихъ, появились новыя лица, поздравляли его и клали въ лежавшую на землѣ его шапку деньги. Громкіе восторженные крики не прекращались и Маринъ положительно не понималъ, что вокругъ его дѣлается и чувствовалъ что все это, какой-то тяжелый сонъ.

Между тѣмъ, его окружала цѣлая толпа народа, и онъ глядя на эти радостно возбужденныя лица, только поминутно кланялся и произносилъ «премного благодарны» и пожималъ протянутыя къ нему сотни рукъ, между тѣмъ, какъ шапка его до краевъ наполнялась деньгами...

Вотъ истинная награда человѣку, который забывъ что у него у самого есть своя семья, видѣлъ только погибающаго своего собрата и повинуясь порыву своего благороднаго сердца, полѣзъ на страшную опасность, или сорваться

внизъ съ водосточной трубы, по которой лѣзъ или провалиться сквозь подгорѣвшие стропила на театральной крышѣ, или наконецъ, задохнуться отъ окружающаго его со всѣхъ сторонъ, удушливаго дыма! Но бросаясь на прямую, угрожающую его жизни опасность, онъ рѣшительно ни очемъ не думалъ, кромѣ какъ о томъ несчастномъ плотникѣ, безпомощно метавщемся по крышѣ, и готоваго погибнуть, такъ, какъ передъ тѣмъ погибли два его товарища... При этомъ не смотря на нѣкоторую горячность, съ которою принялся онъ за это великодушное дѣло, не надо забывать и о той сметкѣ, какою обладалъ онъ въ эту минуту. Никому вѣдь и въ голову не пришло, о томъ простомъ способѣ, какимъ можно было спасти погибавшихъ людей, а онъ все это сообразилъ какъ слѣдуетъ и исполнилъ какъ говорится, по пунктамъ.

Не думая совершенно ни о какихъ наградахъ за совершаемое имъ великодушное дѣло, Маринъ совершенно для него неожиданно, получилъ двѣ награды, которыхъ удостоиваются рѣдкіе люди, въ особенности изъ простолюдиновъ; это, во первыхъ общее народное къ нему сочувствіе, появившееся во всѣхъ слояхъ общества а вторая, великая Государева милость которой онъ удостоился впослѣдствіи.

И такъ, какъ мы сейчасъ видѣли, его окружилъ со всѣхъ сторонъ народъ, наперерывъ

поздравляющій его, сыпавшій отовсюду мелкія и крупныя деньги, но это продолжалось не долго, потому что, по приказанію полиціймейстера Лужина, его посадили на извозчика и отправили въ канцелярію Московскаго Губернатора.

— И много небось вамъ накидали денегъ? спрашивалъ я старика, списывая съ его словъ этотъ разсказъ.

Не мало, — отвѣтилъ онъ — слишкомъ на пятьсотъ рублей, исключая подаренныхъ мнѣ полиціймейстеромъ и флигель-адъютантомъ. Только меня скоро увезли, а то бы бѣда сколько набралось. Когда я сѣлъ на дрожки, то за мной почитай до самаго губернаторскаго дома бѣжалъ народъ...

Въ то время московскимъ губернаторомъ былъ Закревскій.

Привезеннаго въ губернскую канцелярію Марина окружили со всѣхъ сторонъ чиновники и писцы, осыпая его вопросами, причемъ онъ тутъ узналъ, что самъ губернаторъ боленъ и не можетъ его видѣть... Затѣмъ начался оффиціальный допросъ обо всемъ происшедшемъ, на что Маринъ едва могъ отвѣчать, такъ какъ чувствовалъ уже сильную боль въ рукахъ, ободранныхъ какъ сказано выше, объ желѣзо водосточной трубы, а такъ же въ правой ногѣ, сильно поврежденной во время лазанія.

Наконецъ, допросъ былъ снятъ и тщательно записанъ, при чемъ ему посовѣтовали ѣхать въ

Петербургъ, такъ какъ объ его поступкѣ будетъ доложено Государю Императору.

Думалъ ли Василій Гавриловичъ Маринъ, въѣзжая въ это утро въ Москву, что въ этотъ же день, онъ сдѣлается героемъ дня и предметомъ народныхъ овацій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, его скромное имя будетъ извѣстно не только всей Россіи, но и Самому Государю!.. Нужно было видѣть его состояніе души, и все то, что онъ испытывалъ въ этотъ знаменательный для него день 13-го марта, день по своему роковому числу (13), по народному повѣрью несчастливый. Но это радостное настроеніе духа, которое чувствовалъ онъ, много портилось испытываемой имъ сильною болью въ ногѣ и рукахъ... которыхъ пришлось перевязать, при чемъ нога сильно распухла.

Въ этотъ же день онъ сѣлъ на поѣздъ и отправился въ Колпино, куда счелъ непремѣнною обязанностью явиться къ начальнику тамошняго завода г-ну Флотову.

Какъ начальнику, такъ и всему заводу, было уже извѣстно о совершенномъ Маринымъ въ Москвѣ подвигѣ, и потому нечего и говорить, съ какимъ восторгомъ онъ былъ встрѣченъ тамъ. Боль въ ногѣ хотя и усиливалась, но Маринъ, переночевавъ на заводѣ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ были у него родственники, имена которыхъ нѣтъ необходимости перечислять здѣсь, живущіе на Васильевскомъ островѣ,

въ третьей линіи, имѣющіе мелочную лавку въ домѣ Григорьева. На другой день, когда сидя въ лавкѣ, онъ разсказывалъ о случившемся съ нимъ московскомъ происшествіи, вошелъ городовой.

— Здѣсь живетъ Василій Гавриловичъ Маринъ?—спросилъ онъ.

— Я самый,—отвѣтилъ тотъ.

— Въ кварталъ пожалуйте, васъ тамъ самъ полиціймейстеръ ожидаютъ... Галаховъ-съ...

Маринъ одѣвшись насколько возможно прилично, немедленно отправился къ полиціймейстеру, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его домъ, помѣщавшійся тогда въ Галерной улицѣ. Тутъ опять начался обычный допросъ. По окончаніи его, Галаховъ сказалъ Марину.

— Завтра ты будешь лично мною представленъ къ Его Императорскому Величеству, и Онъ, какъ я думаю, удостоитъ тебя награды. Какой бы ты награды захотѣлъ, если Его Величество спроситъ тебя объ этомъ?

Маринъ, не зная что ему отвѣтить сразу, невольно задумался; тутъ ему на умъ пришли два малолѣтнихъ еще сына, которые придя въ совершенныя лѣта, должны быть оторваны отъ семьи, для военной службы, которая какъ извѣстно, была долгая, цѣлыхъ 25 лѣтъ.

— Я бы желалъ, сказалъ онъ, наконецъ, просить у Батюшки Государя, если будетъ Его на это воля, освободить отъ рекрутчины двухъ

моихъ сыновей, потому что, если ихъ возьмутъ, то подъ старость, въ домѣ моемъ не будетъ работниковъ.

— Подобными просьбами, сказалъ оберъ-полиціймейстеръ, я тебѣ совѣтую, не утруждать Государя. Служба ради защиты нашего отечества, обязательна для всѣхъ, и Самъ Государь тоже служитъ. Вообще, не совѣтую, а тамъ, какъ хочешь.

Послѣ этого, Маринъ получивъ билетъ для безплатнаго пріѣзда во дворецъ на любомъ извозчикѣ, и получивъ надлежащія наставленія, съ какого подъѣзда пріѣхать и какъ войти, былъ отпущенъ домой.

— Я самъ буду тамъ и тебя увижу. — Прибавилъ оберъ-полиціймейстеръ, провожая Марина.

И такъ, Василій Гавриловичъ, удостоивался величайшаго счастья быть представленнымъ къ Самому Государю!

По прибытіи домой, Маринъ вмѣстѣ со своими родственниками, началъ дѣятельно приготовляться для пріѣзда во дворецъ. Перебирались костюмы какіе только были лучше, покупались новые и т. д., такъ что въ послѣднюю ночь, Маринъ отъ сильнаго волненія не могъ даже заснуть. Наконецъ, на утро, одѣвшись, какъ по его мнѣнію нельзя лучше, онъ по данному ему билету, нанялъ извозчика и поѣхалъ въ Зимній дворецъ.

Тамъ его встрѣтилъ оберъ-полицеймеръ Галаховъ, и повелъ его за собою вверхъ по лѣстницѣ прямо къ покоямъ Государя. Съ сильно бьющимся сердцемъ шелъ Маринъ, мимо вытянувшихся въ струнку часовыхъ и придворныхъ лакеевъ. До этого времени никогда бывшій во дворцѣ, онъ съ нескрываемымъ удивленіемъ разсматривалъ представившуюся его глазамъ, роскошную обстановку.

Наконецъ оберъ-полицеймейстеръ, поднявшись еще по одной лѣстницѣ сказалъ Марину. «Подожди здѣсь, я сейчасъ доложу»,— и скрылся въ дверяхъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, стоялъ Маринъ на площадкѣ лѣстницы, забывъ даже боль въ своей ногѣ, и пристально глядѣлъ на двери, куда только что вошелъ Галаховъ. Наконецъ до него донеслись изъ нутри комнаты, слѣдующіе слова оберъ-полицеймейстера.

— Я привелъ крестьянина Марина, Ваше Императорское Величество.

— Пусть войдетъ, — послышался голосъ Самаго Государя.

Снова распахнулись двери пріемной залы и появившійся въ нихъ Галаховъ, далъ знакъ Марину войти. Василій Гавриловичъ вошелъ, и среди нѣсколькихъ лицъ, сразу замѣтилъ высокую и статную фигуру, Императора Николая Павловича, и съ глубокимъ благоговѣніемъ преклонилъ передъ нимъ колѣна.

Государь милостиво началъ распрашивать Марина о совершенномъ имъ въ Москвѣ подвигѣ и благосклонно выслушавъ его безъискусственный разсказъ, поцѣловалъ его три раза въ лобъ причемъ произнесъ слѣдующія слова:

— Спасибо за совершенное тобою доброе дѣло и награждаю тебя золотою медалью и деньгами 150 рублей. Если же у тебя будетъ какая нужда, приходи во всякое время.

Затѣмъ отпуская отъ себя Марина, Его Императорское Величество, милостиво произнесъ:

— Скоро настанетъ Пасха. Приходи христосоваться со мною и со всею моею семьею.

Глубоко осчастливленный милостивымъ пріемомъ Государя и пожалованной ему наградой, Маринъ ѣхалъ домой, спѣша подѣлиться своимъ счастіемъ со своими родственниками и друзьями. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, на имя оберъ-полиційместера Галахова, были присланы отъ московскаго губернатора 50 рублей, для передачи Марину.

Такъ сыпались награды Марину за его подвигъ человѣколюбія и самоотверженіе, но впереди предстояло ему еще счастіе: это посѣщеніе имъ, всей Царской семьи. Насталъ день Пасхи, и Маринъ получилъ черезъ полицію повеленіе, явиться опять въ Зимній Дворецъ, для вѣрноподданнѣйшаго поздравленія Ихъ Императорскихъ Величествъ, со днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Никогда еще въ жизни не всрѣчалъ Маринъ такъ счастливо Свѣтлый Праздникъ.

Надѣвъ на себя только что пожалованную ему золотую медаль «за спасеніе погибающихъ», Маринъ отправился во дворецъ.

Вскорѣ онъ явился въ залъ, гдѣ при блестящей обстановкѣ, онъ увидалъ, Ихъ Величествъ, окруженныхъ своею семьею и множествомъ высокопоставленныхъ лицъ.

Похристовавшись съ Государемъ Императоромъ и поцѣловавъ руку Императрицѣ, причемъ получилъ отъ нихъ въ даръ по фарфоровому яйцу, Маринъ подошелъ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу.

Похристосовавшись съ Маринымъ, и подаривъ ему пасхальное яйцо, Наслѣдникъ Цесаревичъ, изволилъ сказать слѣдующіе слова обращаясь къ окружающимъ его:

— Смотрите: вотъ человѣкъ не щадившій самого себя! Тотъ, котораго онъ спасалъ, былъ самъ по себѣ обреченъ на гибель и Господь привелъ спасти его.

Затѣмъ, удостоившись христосованія съ Великими Князьями, и получивъ ото всѣхъ ихъ по яйцу, (отъ В. Кн. Константина Николаевича—Хрустальное) и обласканный Царскою семьею, Маринъ вполнѣ счастливый, вернулся домой, благодаря Бога, за ниспосланную ему великую милость.

На слѣдующій годъ, Маринъ снова былъ

осчастливленъ приглашеніемъ къ Высочайшему Двору, для поздравленія Царской семьи съ наступившимъ днемъ Свѣтлаго-Христова Воскресенія, и это было уже въ послѣдній разъ.

Въ этотъ именно годъ, Его Императорское Высочество, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, принялъ милостивое участіе въ дальнѣйшей судьбѣ Марина, поручивъ ему работы въ Астрахани, при устройствѣ тамъ порта. Какъ опытный мастеръ, по кровельному и желѣзному дѣлу, Маринъ, добросовѣстно исполнивъ возложенное на него порученіе, былъ переведенъ затѣмъ въ Нижній Новгородъ, для подобныхъ же работъ.

Прошло послѣ этого много лѣтъ, сыновья Василія Гавриловича выросли, поженились и стали примѣрными хозяевами, сами уже теперь состарившіеся. Теперь Маринъ живетъ среди нихъ, все еще добрый, не смотря на свои преклонныя лѣта, и съ удовольствіемъ любитъ вспоминать такое столь завидное прошлое. Хотя будучи вполнѣ обезпеченнымъ, старикъ подъ часъ, вспомнивъ свое старое ремесло, принимается иногда за луженіе самоваровъ или за починку желѣзныхъ вещей хотя его нога, все еще подъ часъ побаливаетъ, при ненастной погодѣ, какъ бы желая ему напомнить, про тотъ страшный моментъ, когда онъ вися на водосточной трубѣ, на огромной высотѣ, чуть не задыхался отъ дыма, рискуя

въ пользу ближняго, сгорѣть живьемъ въ огнѣ или разбиться въ дребезги о каменную мостовую!

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 20 авг. 1894 г.

Типо-литографія М. Я. Минкова. Лиговская, 35.